

Словесные символы тезиса символизируют: бессмертие — свободу — бога. Словесные символы антитезиса символизируют: естественную необходимость — пустоту — бесконечность — уничтожение.

Но воплощая в героях и их словесных символах положения Кантова тезиса и антитезиса, Достоевский и самое, на почве опыта неустрашимое, качание коромысла антиномий воплотил в Иване, представленном явно — как антитезис, а тайно — как тезис, причем автор избрал для этой цели Смердякова и черта: Смердякова — как материальное, окарикатуренное воплощение антитезиса, а черта — как его такое же окарикатуренное, но символическое воплощение.

V

ПОЕДИНОК ТЕЗИСА и АНТИТЕЗИСА ПОД ЛИЧИНОЙ ГЕРОЕВ РОМАНА

За непосредственное знакомство Достоевского, как автора романа «Братья Карамазовы», с «Критикой чистого разума», и именно с учением об антиномиях, говорит достаточно красноречиво текст обоих сочинений¹.

Если самый спор обеих враждующих сторон, т. е. Тезиса и Антитезиса, Кант считает пустым делом, а предмет их спора «пустым призраком», то и у Достоевского фигурирует слово *призрак* — в споре Ивана с самим собой: Смердяков-убийца для Ивана — призрак, черт — тоже призрак и так как они оба не что иное, как вторая сторона Ивана, т. е. Кантов антитезис, то именно этот Антитезис-убийца и кажется Ивану призраком. Конечно, спор Тезиса с Антитезисом как призрак и сам антитезис как призрак — это не одно и то же. Но — терпение, читатель!

¹ Историко-литературные данные подтверждают это (см. стр. 97).

Если Кант далее указывает, что разум, попавший в путаницу противоположных доводов, чувствует себя в высшей степени стесненным в этом своем антиномическом раздвоении и что если разъяснить недоразумение, тогда «падут гордые притязания обеих сторон», то и Достоевский делает особый упор на понятии «гордость». «Человеко-бог», этот идеал антитезиса, «возвеличится духом божеской, титанической гордости», — говорит он; в гордости, как в скрытом мотиве, побуждавшем Ивана желать смерти отца, упрекает Ивана Смердяков²; самое безумие — болезнь Ивана, его муку по поводу «великого решения» — Алеша, а кстати и черт, определяют как муку гордого решения³. Гордость Ивана — причина всех его бед, ибо Иван попал в путаницу противоположных доводов, он раздвоен. Но стоит гордости пасть, как Иван будет автором спасен.

Эти два указания не имели бы силы и могли бы быть объяснены случайностью, если бы за ними не скрывалось нечто основоположное, а именно то, что антитезис, или эмпиризм, «отнимает всякую силу у религии и морали», или как говорит Кант в другом месте, при господстве антитезиса «моральные идеи и основоположения теряют всякое значение», т. е. добродетель ничто, раз бога и бессмертия нет (Антитезис 2-й и 4-й антиномий).

Это Кантово положение о том, что без бога моральные идеи теряют всякое значение, не сходит со страниц романа, это основная тема романа, это и есть формула Ивана: «Все позволено, раз бога и бессмертия нет», т. е. все позволено, раз истина на стороне антитезиса. Это и есть секрет черта. Его повторяют все, кто хотя бы на мгновение попадает под сень антитезиса: «Если нет бога, то нет и добродетели», а раз нет добродетели, то, следовательно, позволено и отцеубийство корысти ради.

Что именно эта Кантова формула была убийцей Федора Павловича — это четко высказывает Смердяков Ивану при третьем свидании⁴.

² 10, 157.

³ 10, 185—186.

⁴ 10, 150.

«— Я тогда бы все и рассказал бы на суде-с, (...) то, что вы меня сами подбивали к тому, чтобы украсть и убить». И далее, отдавая украденные три тысячи Ивану, он с горечью разъясняет своему «учителю»: «— Не надо мне их вовсе-с. (...) Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, (...) такая мечта была-с, а пуще все потому, что все „позволено“. Это вы вправду меня учили-с, ибо (...) коли бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе»⁵.

Слова Смердякова «не надобно ее тогда вовсе» — это те же слова Канта: «моральные идеи и основоположения теряют всякое значение».

Так же и черт — в главе «Кошмар», — подразнивая Ивана его статьей «Геологический переворот», повторяет то же положение: «Раз человечество отречется поголовно от бога, (...) то само собою (...) падет (...) вся прежняя нравственность»⁶. И далее: «Если даже период этот и никогда не наступит, то так как бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно (...) перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека: (...) „все дозволено“ и шабаш!»⁷

«Прежняя нравственность» — это опять те же Кантовы «моральные основоположения тезиса», через которые перескакивают персонифицированные антитезисы.

Хотя в романе в рамках того же антитезиса, в лице Ракитина, этому утверждению Ивана-черта об аморальности противопоставлено другое — положительное утверждение, т. е. другая система морали и табель моральных ценностей, а именно то, что «человечество найдет в себе силы для добродетели и без бога», и что «можно любить человечество и без бога»⁸ и что человеко-бог, этот абсолютный атеист, «возлюбит брата своего уже без всякой

⁵ 10, 156.

⁶ 10, 178.

⁷ 10, 179.

⁸ 10, 106.

мзды»⁹. Однако автор остается все же при Канте и уничтожает эту новую мораль нового человека презрительной репликой Мити: «Ну, это сморчок сопливый [Ракитин] может только так утверждать, а я понять не могу»¹⁰.

Митя не может понять, как же это «без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено». (...) «А ты и не знал?» — отвечает ему с иронией Ракитин. «— Умному (...) человеку все можно, умный человек умеет раков ловить, ну а вот ты (...) убил и влопался»¹¹.

Несомненно, философия «умного человека» — это все та же философия Ивана и Смердякова вплоть до самого выражения «умный человек». (Вспомним смердяковское: «С умным человеком и поговорить любопытно».)

Философия «умного человека» это и есть «разные философии», которые по признанию Мити Алеше, убивают Митю. («— Алеша, херувим ты мой, меня убивают — разные философии, черт их дери! Брат Иван...»¹²).

Ссылка Мити на брата Ивана дает нам ключ к этим «философиям». Спасибо автору за самое слово «философии». Выясняется, что у Ивана «бога нет» (все тот же антитезис четвертой антиномии), но у Ивана есть «идея»¹³. Что это и есть трансцендентальная космологическая идея чистого разума — такого признания от Мити и автора требовать трудно. Но зато есть у него другое признание: что прежде он, Митя, «этих всех сомнений не имел», но все же все они в Мите таились. Значит, не только в Иване, но даже и в Мите таятся подобные сомнения, — значит, они неустранимы, значит, они и есть неустранимые идеи человеческого разума, т. е. антиномии. Это тотчас и открывается.

«— А меня бог мучит», — продолжает Митя. — «А что, как его нет? Что если прав Ракитин, что это

⁹ 10, 179.

¹⁰ 10, 106.

¹¹ 10, 102.

¹² 10, 106.

¹³ См.: 10, 106—107: «Брат Иван (...) таит идею. У Ивана бога нет. У него идея».

идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. (...) Только как он будет добродетелен без бога-то! Вопрос!»

Читатель знает, какой ответ дает Митя на этот вопрос. Его ответ: без бога и будущей жизни нет добродетели, т. е. прав Кант, а не «сморчок сопливый», ибо, как утверждает Кант, антитезис отнимает всякую моральную силу у морали. Митя решительно становится якобы на сторону тезиса, но только после того, как автор, через Ивана и Ракитина, опосредствованно ознакомил Митю с антигорило-антигорило-антитезисом — к истине. Очевидно, автор испытал и на Мите утверждение Канта, что его, Кантова, антитезиса весьма полезна для скептического метода, ибо до знакомства с «философиями» Митя «этих всех сомнений не имел», т. е. скептическим методом не пользовался.

Читатель мог бы умножить примеры. Но вопрос достаточно разъяснен. Смердяков, Митя и Достоевский согласны с Кантом, что антитезис отнимает всякую силу у морали. Но если иной читатель все же решит, что для подтверждения положения об исключительной роли «Критики чистого разума» в романе «Братья Карамазовы» сказано недостаточно, мы представим ему еще и другие веские доказательства, но уже без всяких лирических отступлений.

Только читателю следует помнить, что Тезис и Антитезис у Канта — философы: Антитезис — чистый эмпирик, а Тезис — догматик.

Разбирая, какие теоретические и какие практические выгоды на стороне тезиса, и какие на стороне антитезиса, Кант утверждает, что «теоретическому интересу разума эмпиризм», т. е. антитезис, «доставляет преимущества чрезвычайно привлекательные и далеко превосходящие то, что может обещать догматический проповедник идей разума», — т. е. тезис с его догматами о бессмертии души, свободе воли, творце мира и т. д.»¹⁴

¹⁴ Кант, 288.

Согласно эмпиризму, рассудок находится всегда в области возможного опыта (т. е. природы), закон которого он может выслеживать и посредством него без конца расширять свои прочные и понятные знания¹⁵.

Без конца расширять свои знания? И эти знания будут доставлять преимущества чрезвычайно привлекательные, далеко превосходящие обещания проповедника идей Тезиса-догматика, т. е. его непонятные догматы о бессмертии, свободе воли, творце мира и т. д., обладающие зато преимуществом популярности. Но не над этим ли апофеозом науки издевается черт в кошмаре Ивана, дразня Ивана «человеко-богом»:

«Ежечасно побеждая уже без границ природу волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что он заменит ему все прежние упования на наслаждений небесных?»¹⁶

Правда, у Канта сказано «без конца», а у Достоевского «без границ», у Канта сказано «расширять свои прочные и понятные знания», а у Достоевского вместо глагола «расширять» стоит глагол «побеждать», а вместо «понятные знания» стоит слово «наука». Но ведь «прочные и понятные знания» эмпиризма, т. е. Антитезиса, и есть победоносная наука человеко-бога, а «чрезвычайно привлекательные преимущества» этих знаний и при этом «далеко превосходящие» то, что обещает Тезис, и есть «высокое наслаждение», которое, по роману, заменит человека «все упования небесные». Ибо что же обещает Тезис кроме упований, и что такое здесь «чрезвычайная привлекательность», как не «высокое наслаждение»?

Достоевский позволил себе маленькое переложение мыслей Канта о том, что теоретический интерес разума на стороне антитезиса; он только изменил стиль и интонацию, однако не утерпел и повторил крохотное «без», написав «без границ» вместо «без конца», как оно стоит у Канта. Это «без» и есть тот кончик хвоста, за который можно всего зверя вытянуть

¹⁵ Кант, 288. «Без конца» в немецком оригинале — ohne Ende.

¹⁶ 10, 179.

Своим апофеозом «чертова учения» Достоевский отнюдь не хотел оказать услугу XX веку и науке. Как раз наоборот: он хотел вонзить в сердце «науки» самый ядовитый из своих кинжалов, подразумевая под «наукой» скрытого в ней врага — умного и страшного антитезиса философии. Однако как бы ни волновала Достоевского проблема науки, от проповеди счастливого анималитета Руссо он был весьма далек.

VI

ИВАН КАРАМАЗОВ КАК ГЕРОЙ КАНТОВЫХ АНТИНОМИЙ

Не для обличения и не для защиты исследует сейчас читатель мысли двух великих умов, а для раскрытия секрета романа Достоевского — секрета, засекреченного даже для самого черта.

Не один только Кантов антитезис секретно вооружил Достоевского своими испытанными доспехами. Не менее испытанными доспехами вооружает его тайно и тезис. Но отнюдь не для доказательства правоты тезиса, — для этого у Достоевского есть иное оружие, — а только для торжества над антитезисом пользуется Достоевский философским арсеналом тезиса.

Как судья публичного поединка между Тезисом и Антитезисом, Кант добросовестно отмечает, что преимущество популярности на стороне Тезиса, поскольку «обыкновенный рассудок», ничего не понимая в его умопостигаемых идеях, например в бессмертии души, может без конца умствовать в этих вопросах, блуждая среди идей, о которых именно потому можно говорить красноречиво, что о них ничего неизвестно, и можно считать известным все то, что стало для него привычным, благодаря частому приме-